

УДК 81'255

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-47-54

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКА

Молчанова Г. Г.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья обосновывает необходимость интеграции разных отраслей знания для разработки нового научного направления в рамках когнитивной коммуникологии – лингвоэкологии или эколлингвистики. Автор постулирует принцип взаимозависимости экологии языка и экологии человека, их взаимную роль в формировании модуса коммуникативной совместимости. С этой целью приводится дискурсивный анализ как образовательных учебных текстов, так и переводческих литературных адаптаций, в результате чего подтверждается гипотеза о социокультурной ситуативности такой совместимости. Автор находит перспективным перемещение фокуса человеческой когниции на проблему защиты языка от разрушительных воздействий, наносимых ему человеком. В этом отношении чрезвычайно значим приводимый в статье анализ коммуникативных ситуаций, приобретающих в результате переводческой адаптации лингвотоксичность, ведущую к социокультурной несовместимости исходного и переводного текстов.

Ключевые слова: лингвоэкология, эколлингвистика, лингвотоксичность, теория динамической эквивалентности, социокультурная несовместимость.

LINGUISTIC ECOLOGY AND THE PRESENT-DAY LANGUAGE

G. Molchanova

*Lomonosov Moscow State University
119991, Leninskie Gory, 1, Russian Federation*

Abstract. The paper deals with the necessity for the integration of different sciences to corroborate a new scientific direction in cognitive communicology called linguistic ecology or ecolinguistics. The author postulates the interdependence of language ecology with human ecology and their mutual role in shaping compatibility mode of utterances. The research discourse analyses of institutional and translators' intercultural communicative situations prove that there is no direct connection between them, this connection is situational. The author offers new perspectives on how to shift a focus of human cognition in order to defend language from being hurt by an individual usage. The analysis of the communicative situations of intoxicative text translation, their social and cultural incompatibility, seem to be of a paramount importance in this respect.

Key words: linguistic ecology; ecolinguistics; linguistic intoxication; theory of dynamic equivalence; social and cultural incompatibility.

«Язык есть механизм, продолжающий функционировать, несмотря на повреждения, которые ему наносятся» (Ф. де Соссюр)

В наше время лингвистика, став антропоцентрической, то есть включив в себя и человека, создателя и пользователя языка, начала кластироваться с другими наукам, что логично - тесное сотрудничество смежных областей знания, терминологии и методологии различных наук позволяют ученым быстрее продвигаться вперед, приходя к перспективным выводам. Так появились социо-, психо-, прагма-, тексто-, когнито- лингвистика и, наконец, эколингвистика, или когнитивная лингвоэкология. Если лингвоэкология – общий термин для всех областей исследования, которые включают в себя экологию и лингвистику, то эколингвистика переносит термины и принципы экологии на язык (напр., понятие экосистемы), причем в фокусе находятся именно проблемы лингвистики. (В настоящей статье эти термины употребляются как взаимозаменяемые). Взлет популярности экологии как научной отрасли во второй половине XX века вызвал интерес и у других научных школ, в том числе и лингвистов, вследствие чего в настоящее время лингвоэкология представляет собой одно из быстроразвивающихся направлений науки. Считается, что впервые термины «экология» и «язык» объединил американский лингвист Эйнар Хауген в 1966 г. в статье «Экология языка» [11]; хотя еще Д.С. Лихачев призывал заботиться не только об экологии природы, но и об экологии культуры (в том числе, естественно, и языка). Иногда деятельность человека – создателя и пользователя языка –

бывает деструктивной, и тогда язык нуждается в защите от человека. Одно из сосюрских определений языка, менее известное, чем «Язык есть система знаков, выражающих идеи», гласит: «Язык есть механизм, продолжающий функционировать, несмотря на повреждения, которые ему наносятся» [6, с. 119]. Слово может быть вдохновляющим, но может быть и разрушительным. Требуется, с одной стороны, защита языка от разнообразия среды бытования языка, а с другой - требуется защита человека от самого языка, поскольку «Словом можно убить, Словом можно спасти. Словом можно полки за собой повести. Словом можно предать, и продать, и купить, Слово можно в разящий свинец перелить» (В. Шефнер).

Лингвоэкологию можно определить как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается общество, использующее язык как один из своих многочисленных кодов. Частично экология языка имеет физиологическую природу (т.е. взаимодействие с другими языками и кодами в сознании говорящего), частично социальную (т.е. взаимодействие с обществом, где язык используется как средство коммуникации). Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям. Лингвоэкология - наука когнитивная, имеющая большое влияние на познание. Вот почему *лингвоэкологическая модель системы образования* предполагает внедрение в педагогический процесс лучших инновационных идей и опыта по всем аспектам речетворческой деятельности. *Лингвоэкологическая коммуникация* – это

практика совершенствования коммуникативной деятельности в процессе нравственно-духовного становления личности. Это междисциплинарная наука, призванная решать разноплановые практические и теоретические задачи, актуальные для современной теории и практики употребления языка, связанные с проблемами нарушения языковой экологичности в различных сферах международного и межкультурного общения. К *лингвотоксичным* элементам, затрудняющим и/или искажающим коммуникативное взаимодействие, относятся социально-культурные и когнитивно-коммуникативные языковые стратегии, асимметрия эколого-когнитивных параметров, влияющие на психологическое и умственное состояние коммуниканта. Это могут быть как сугубо языковые параметры всех уровней языка, напр., лексического (в первую очередь лингвотоксическая угроза проявляется на лексическом уровне): это и избыток терминов, аббревиатуры, заимствований, жаргона, сленга, инвективной и обсессивной лексики, избыточное количество дериватных слов, образованных от инвективов и морфологические элементы. («Ты, Лелька, не сестра, не сестрица, не сестренка, не сестричка, ты, Лелька, - сестрища!» (Зощенко).

Использование стратегий, навязанных коммуниканту непривычным дискурсом, способно негативно повлиять на него и привести к когнитивному диссонансу, т.е. создать конфликтную ситуацию как внутри коммуникативного акта, так и вне его. Так, преподаватель (!) физики в одной из школ польского города Белосток предложил ученикам решить задачу. Ее условие

гласит: «Четверо беженцев из Сирии пытаются добраться из Греции на плоту размером 1 м X 2 м X 20 см и плотностью 800 кг/на 1м в кубе. Рассчитайте, сколько беженцев придется столкнуться с плотом, чтобы оставшиеся добрались до цели, если каждый весит 60 кг» [10]. Наиболее ярким примером эколого-когнитивной асимметрии между учебным текстом и учеником в образовательной (научающей) коммуникации являются тексты таких серьезных мероприятий, как, напр., всероссийская олимпиада школьников по математике для 8 класса (2012 -2013 г., 1-й этап): «В психиатрической больнице есть главный врач и много сумасшедших. В течение недели каждый сумасшедший один раз в день кусал кого-нибудь (возможно, и себя самого). В конце недели у каждого из больных по 2 укуса, а у главного врача – по 100 укусов. Сколько сумасшедших в больнице?» [1, с.68]. Не менее лингвотоксичным представляется и пример из текста школьной олимпиады по физике для 8 класса (2013 г.): «С какой высоты нужно сбросить Ивана – дурачка, чтобы от него мокрого места не осталось?» [Там же]. Понятно, какая искаженная, уродливая картина мира формируется у детей после таких учебных тестов, в которых пропагандируются в качестве нормы жестокость, насилие, уродство, аномальность. Еще один пример асимметрии между когнитивной и экологической составляющими в учебном тесте: «Шестиногая женщина, родители которой имели один нос, вступает в брак с одноносым мужчиной, у матери которого 6 носов, а у отца – 1. Единственный ребенок в семье – шестиногий. Какова вероятность появления в семье еще одного шестиноского ребен-

ка, если одноносость доминирует?»; или: «Безмозглая женщина, отец и мать которой также были безмозглые, вышла замуж за безмозглого мужчину. У них родился ребенок, имеющий мозг. Предложите не менее двух вариантов наследования данного признака (6 баллов)» [3].

Но эти отдельные лингвотоксичные элементы не идут ни в какое сравнение с той основной глобальной лингвотоксической угрозой, что возникает в языковой среде при сопровождающем межкультурную коммуникацию переводе. Ею является применение *стратегий прямого и/или скрытого манипулирования в процессе переводческой межкультурной адаптации*, имеющих целью неявное, имплицитное воздействие на получателя, что является очевидным нарушением экологии языка. Французы говорят, что «переводы как женщины – либо красивы, либо умны» (“les belles infidels”). Итальянцы ввели каламбур: «Traduttore – traditore» («переводчик – предатель»). Английское слово *turncoat* – *предатель, ренегат, изменник*, - в Большом Оксфордском словаре сопровождается комментарием: «перевод – тоже своего рода предательство, особенно когда один язык имеет преимущество над другим» [8]. Такой презрительный взгляд на переводы, ощущение, что они «своего рода предательство», держатся не первую сотню лет, и не только в англоязычном мире. Роберт Фрост считал, что «поэзия – это то, что теряется в переводе». Происходит это, возможно, потому, что переводчики, по определению, хотя бы отчасти, чувствуют себя как дома в двух культурах, и их лояльность по отношению к каждой из этих культур подвергается сомнению. Может быть,

чтобы не прослыть предателем, переводчик должен совершенствоваться, чтобы быть все более умелым мастером, владеющим мощным арсеналом переводческих приемов и техник. Нельзя не упомянуть о типологии переводческих преобразований, трансформаций. Основатели отечественной школы теории перевода (Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер, В.Н. Комиссаров, В.Г. Гак и др.) выделяют четыре основных типа переводческих преобразований: добавление, опущение, перестановку и замену. Их дальнейшее ветвление по уровням языка предполагает трансформации грамматического, лексического, синтаксического, семантического порядка. Далее дробление четырех основных типов приведет к обнаружению бинарных оппозиций: дословный перевод – косвенный перевод, амплификация – экономия, лексикализация – грамматикализация, конкретизация – обобщение, потеря – компенсация, закрепленная и свободная модуляция и т.д. Особое место среди всех разновидностей переводческих преобразований занимает *адаптация* – такой метод перевода, при котором переводчик приспособливает текст к условиям другой языковой культуры (в англ. переводе адаптацию иногда называют *domestication* – *одомашнивание*). К примеру, преобразование фразы «So much for baseball» в рус. «Но довольно о лапте», является адаптацией. Адаптация может вызываться разными причинами: требованиями политкорректности: *негр* – *афроамериканец*; желанием придать местный колорит: *tricot* – *нардь*; *гамбургер* – *котлета*; соображениями функциональности и удобства: 75 градусов F переводятся как 24 градуса С.

В 60-е годы Юджин Найда выдвинул теорию «динамической, или функциональной, эквивалентности», согласно которой главной целью перевода является полноценная коммуникативная замена текста оригинала, в том числе, при необходимости, существенная культурная адаптация переводимого текста. Динамическая эквивалентность противопоставляется формальной, и это ни что иное, как перевод «мысли», противопоставленный переводу «слова» [14]. В истории лингвистики крайними, граничащими с культурным обскурантизмом, проявлениями теории Найды являются переводы христианских канонических текстов на языки туземных племен Африки и Америки, из которых исключались чуждые для получателя образы или аллюзии (*белый как снег – белый как перо цапли; волки – койоты, хлеб наш насущный – кукурузная лепешка наша насущная*). В целом адаптация считается пограничной формой переводческих преобразований, пределом соответствия, после которого можно говорить о переводе только условно. Адаптация вызывает у многих здоровое неприятие, считают, что она искажает семантическую структуру исходного текста и зачастую, по мнению В.Н. Комиссарова, «гипертрофирует культурно-этнические различия между народами и недооценивает способность человека усваивать чуждые ему элементы чуждой ему культуры» [2].

Еще одно мнение – каков бы ни был соблазн адаптации – удобство, внятность, вежливость – переводчику надо избавляться от нее, даже если неадаптированность «затемнит» текст перевода. Конечно, все переводчики в меру той или иной необходимости стремятся приспособиться к систе-

ме координат читателя и добиться коммуникативно-функционального соответствия между двумя языками посредством чисто прагматической адаптации: “dimes and nickels” и «пятаки и гривенники» в английской и русской «Лолите»; шиллинги и франки в английской и французской версиях «Мэрфи» С. Беккета; сближению аллитераций (Canoeing, Coranting, Combining Curls) – «Какао, катание, качели, колленки и кудри» [5, с. 30]; или понятий (Гонкуровская премия французского текста «Неназываемого» Беккета становится Пулитцеровской премией в английском переводе; или даже к кальке: «Съела она там порядочный брек-фаст» [Там же, с. 32].

Умберто Эко отмечал по поводу перевода своих работ, что «хотя в необозримом богатстве семиозиса может быть чрезвычайно много оттенков, «семиотический универсум» исходного текста должен быть приспособлен к такому принимающей культуры, не подвергшись при этом варварским искажениям [9, с. 414]. К таковым приводит, прежде всего, применение стратегий прямого и/или скрытого манипулирования в процессе переводческой межкультурной адаптации, имеющих целью неявное, имплицитное воздействие на получателя, что является очевидным нарушением экологии языка. Роман Дж. Сэлинджера “The Catcher in the Rye” («Ловец во ржи»), в первом переводе Р.Райт – Ковалевой, вышел в 1960 г. под заголовком «Над пропастью во ржи» [7], не без социальной манипуляции.

У Сэлинджера в его первой большой книге особенно часто встречается то, что он назвал молитвой в примитивной форме. «Когда он, твой герой,

или Лес, или еще кто, Богом клянется, поминает имя Божье всуе, так ведь это тоже что-то вроде наивного общения с Творцом, молитва, только в очень примитивной форме». В первом и навсегда оставшемся переводе книги эту молитву в примитивной форме развернули на 180 градусов в духе официального воинствующего антиатеизма. Где в тексте встречалось слово Бог, переводчица заменяла его на нечто абсолютно противоположное по смыслу. Где у автора «ради Бога», «ради Христа» – в переводе «черт возьми», «черт побери», где у автора «Бог» – в переводе «дьявол», например:

«*Jesus!* – he said. What the hell happened to you?» [15]. В дальнейшем все ссылки приводятся по этому изданию). «- *О ч-черт!*- с казал он» [7, с.52].

“*Canasta, for Chrissake.*” - С ума сошел – канаста! [7, с. 52].

“*I gotta get up and go to Mus in the morning, for Chrissake. You guys start hollering and fighting...*” –Мне завтра вставать рано, я в церковь иду, *черт подери!* А вы, *дьяволы*, подняли бучу среди ночи!» [7, с. 52].

“*No, but for Chrissake.*” «Знаю, но как я могу сказать – спи, пожалуйста, на его кровати!» [7, с. 52].

“*About you. - About me, for Chrissake.*” - Из-за тебя, - говорю. – Что за *черт?* Как это из-за меня?» [7, с. 52].

«*What a technique that guy had*” –Ох, и подход у него был, у этого *черта!* [7, с.54].

«*What's the hell's the matter with you?*” – Кой *черт* тебя укусил? говорит [7, с.55].

«*My nerves were shot. They really were.*» - Нервы у меня стали ни к черту.

Честное слово, *ни к черту*» [7, с.57].

«*They took for turns, for God's sake*» - «По очереди, *черт их деру!*» [7, с.68].

“*She can dance better than anybody living or dead. A queen, for Chrissake.*” - «Она танцует – *чертям тошно*. Королева, *черт побери!*» [7, с.68].

Такой перевод, в целом обоснованно признанный мастерским и профессиональным, лингвотоксичен по своей сути, он побивает все рекорды по искажению авторского текста в плане радикального антихристианства. Этот перевод, издающийся с завидным постоянством и в наше время, буквально кишит чертыханиями. А ведь мы знаем, что в английском языке это слово табуировано. Из религиозного писателя в результате тактики воздействующей манипулирующей стратегии сделали безбожника-ругателя.

Споры о стратегии перевода бесконечны, потому что в них нет правых и виноватых – есть выбор точки зрения и приоритетов, есть цели и средства, есть вкус и потребности каждой эпохи. Перевод всякого важного, значимого текста никогда не может быть окончательным. Если текст востребован культурой, то новое время будет ставить ему свои задачи – и перевод будет служить инструментом, а иногда и оружием. Перевод всегда отвечает на какой-то запрос, независимо от того, сознает ли это сам переводчик. И бесконечно увлекательна когнитивная задача лингвиста: наблюдать, как язык, именно язык! – перевода рассказывает нам об этих целях, вкусах, потребностях, несмотря на повреждения, которые ему наносятся человеком.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисенко А., Сонькин В. Предатели и дарители: о переводе “Капитанской дочки” // Иностранная литература [сайт]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2010/12/ch10.html>
2. Ерохина Л.В. Эколого-когнитивная и эмоциональная асимметрия в научающей коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов, Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 61-71.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Мухамеджанов И.Р. Тесты, зачеты, блиц опросы по биологии. 10-11 классы. Уфа: ВАКО, 2011. 223 с.
5. Набоков В. Другие берега // Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990.
6. Набоков В. Лолита. Собр. соч.: Т.5 (дополнительный). М.: Экспрос, 1992. 336 с.
7. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
8. Сэлинджер Дж. Д. Над пропастью во ржи . М.: Изд-во «Э», 2015. 224 с.
9. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.
10. Экспресс - газета. 2015. № 45 (1082).
11. Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. Stanford, CA: Stanford University Press / Originally published in W.Bright (Ed.), 1966. 190 p.
12. Nabokov V. Speak Memory. An Autobiography Revisited. London: Penguin Books, 1969. 242 p.
13. Nabokov V. Lolita. New York: Vintage International, 1989. 117 p.
14. Nida U.A. Translator's Notes on Literary Selections. London: United Bible Societies, 1974.
15. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. London: Penguin Books, 1996. 192 p.

REFERENCES:

1. Borisenko A., Son'kin V. Predатели i dariteli: o perevode “Kapitanskoi dochki” [Traitors and grantors: on the translation of "The Captain"] // Inostrannaya literatura [Foreign literature]. [Electronic resource]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2010/12/ch10.html>
2. Erokhina L.V. Ekologo-kognitivnaya i emotsional'naya asimmetriya v nauchayushchei kommunikatsii [Emotiogenic Cognitive Function of Modern School Teaching Texts] // Vestnik RUDN, ser. Lingvistika. 2015. no. 1. pp. 61-71.
3. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of translation (linguistic aspects)]. M., Vysshaya shkola, 1990. 253 p.
4. Mukhamedzhanov I.R. Testy, zachety, blits oprosy po biologii. 10-11 klassy [Tests, credits, quizzes in biology. 10-11 grades]. Ufa, VAKO, 2011. 223 p.
5. Nabokov V. Drugie berega. Sobr. soch.: v 4 t. [Other shores. Collected works: in 4 vol.]. M., Pravda, 1990.
6. Nabokov V. Lolita. Sobr. soch.: T.5 (dopolnitel'nyi) [Lolita. Collected works: Vol. 5 (supplementary)]. M., Ekopros, 1992. 336 p.
7. Sossyur F. de Trudy po yazykoznaniiyu [Works on linguistics]. M., Progress, 1977. 695 p.
8. Selindzher Dzh. D. Nad propast'yu vo rzhi [Catcher in the rye]. M., Izd-vo «E», 2015. 224 p.
9. Eko U. Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode [To say almost the same thing. Experiments on the translation]. SPb., Symposium, 2006. 574 p.
10. Ekspress - gazeta. 2015. no. 45 (1082).
11. Haugen E. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. Stanford, CA, Stanford University Press / Originally published in W.Bright (Ed.), 1966. 190 p.
12. Nabokov V. Speak Memory. An Autobiography Revisited. London, Penguin Books, 1969. 242 p.

13. Nabokov V. *Lolita*. New York, Vintage International, 1989. 117 p.
 14. Nida U.A. *Translator's Notes on Literacy Selections*. London, United Bible Societies, 1974.
 15. Salinger J.D. *The Catcher in the Rye*. London, Penguin Books, 1996. 192 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молчанова Галина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;
e-mail: dean@ffl.msu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Molchanova Galina G. – PhD of Philology, professor, associate professor at the chair of Linguistics and Intercultural Communication of Moscow State University named after M.V. Lomonosov;
e-mail: dean@ffl.msu.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Молчанова Г.Г. Лингвоэкология и современное состояние языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. №2. С. 47–54.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-47-54

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

G. Molchanova. Linguistic ecology and the present_day language // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Linguistics. 2016. no.2. pp. 47–54.
DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-47-54